

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 177–182. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 177–182. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09”20”

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-177-182>

«ДОКТОР ЖИВАГО» Б.Л. ПАСТЕРНАКА В ИТАЛЬЯНСКОЙ КРИТИКЕ 1950-Х: ДИСКУССИЯ В ЖУРНАЛЕ «IL PONTE»

Полонская Софья Владимовна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, polonskaya.sofya2014@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается история первой публикации романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», её влияние на формирование мнения о Пастернаке как крупном прозаике, а также – потенциальной роли в дальнейшем на получение автором Нобелевской премии в 1958 г. Как известно, первая публикация имела место в Италии. Именно от итальянских деятелей культуры Джан Джакомо Фелетринелли (первого издателя романа) и Петро Цветеремича (его переводчика) зависело, как именно будет воспринят роман за рубежом, где о Пастернаке в 1957 г. знали не так много: Шведская академия первоначально отказывалась выдвигать писателя в качестве нобелиата из-за недостаточной известности в широких литературных кругах. После издания «Доктора Живаго» существенным являлось то, какого будет содержание первых рецензий на данное произведение. В работе дан обзор первых рецензий на роман в итальянской прессе, в частности – дискуссия, развернувшаяся в независимом ежемесячном издании «Иль Понте». Автор статьи отмечает, что высказались такие известные в литературных итальянских кругах деятели культуры, как Гульельмо Петрони, Карло Кассола, Манлио Канкони. Их мнения не остались без внимания, были восприняты широкой общественностью.

Ключевые слова: «Доктор Живаго», дискуссия о Пастернаке в «Иль Понте», итальянская рецепция романа Пастернака, Шведская академия, Нобелевская премия, итальянская критика.

Для цитирования: Полонская С.В. «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака в итальянской критике 1950-х: дискуссия в журнале «Il Ponte» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 177–182. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-177-182>

Research Article

“DOCTOR ZHIVAGO” BY BORIS PASTERNAK IN ITALIAN CRITICISM OF THE 1950S: A DISCUSSION IN THE MAGAZINE “IL PONTE”

Sofya V. Polonskaya, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, polonskaya.sofya2014@yandex.ru

Abstract: the article will focus on the history of the first publication of the novel “Doctor Zhivago” by Boris Pasternak, on its influence on the formation of opinion about Boris Pasternak as a truly major prose writer, as well as on the potential role in the further receipt of the Nobel Prize by the author in 1958. As one knows, the first publication took place in Italy. It is from Italian cultural figures Giangiacomo Feltrinelli (the first publisher of the novel) and Pietro Antonio Zveteremich (its translator) it depended on how the novel would be received abroad, where Boris Pasternak had not been well-known by the late 1957 – the Swedish Academy initially refused to nominate the writer as a Nobel laureate due to insufficient fame in wide literary circles. After the publication of “Doctor Zhivago”, it was essential to determine what the content of the first reviews of this work would be. The paper reviews the first reviews of the novel in the Italian press, in particular, the discussion that unfolded in the independent monthly magazine “Il Ponte”. Such well-known cultural figures in Italian literary circles as Guglielmo Petroni, Carlo Cassola, and Manlio Cancogni spoke out. Their opinions were not ignored, they were accepted by the general public.

Keywords: “Doctor Zhivago”, discussion about Boris Pasternak in Il Ponte, Italian reception of Boris Pasternak’s novel, Swedish Academy, Nobel Prize, Italian criticism.

For citation: Polonskaya S.V. “Doctor Zhivago” by Boris Pasternak in Italian criticism of the 1950s: a discussion in the magazine “Il Ponte”. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 177–182 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-177-182>

Цель нашей работы – показать, как был воспринят роман Пастернака «Доктор Живаго» в итальянской критике по самым свежим следам его первой публикации. Рецепция главного прозаического сочинения писателя именно в Италии особенно важна, поскольку здесь он был впервые издан, причем в переводе. И ясно, что в перспективе награждения его автора Нобелевской премией, которое состоялось уже через год, взгляд на роман, сформированный ведущими итальянскими критиками, мог оказать существенное влияние на его восприятие и Шведской академией, литературным сообществом в целом. Необходимо иметь в виду и особенности политико-идеологического контекста итальянской рецепции романа. Его публикация и последующая критическая дискуссия имели место в разгар холодной войны в одной из ведущих стран Запада. Вместе с тем в итальянской интеллектуальной среде ярко было представлено левое, просоветское идейное движение. Да и сам первый издатель романа Джанджакомо Фельтринелли, как известно, являлся коммунистом. И в то же время вся история с «Доктором Живаго» обернулась одним из самых выразительных пропагандистских столкновений в истории холодной войны. Все это задавало особое идейное напряжение в итальянских дискуссиях о сочинении второго русского писателя-нобелиата.

В свое время переводчик романа на итальянский Петро Цветеремич сказал: «Не опубликовать такую книгу – значит совершить преступление против культуры» [Борис Пастернак и власть: 347–348]. А официальный эксперт Нобелевского комитета по славянской словесности Антон Карлгрен назвал Пастернака «единственным европейцем» «в современной русской литературе» [Марченко: 478]. Среди тех, кто способствовал закреплению за ним статуса писателя мирового уровня, было несколько известных итальянских деятелей культуры. Один из них – Серджио Д'Анджело, благодаря которому рукопись «Доктора Живаго» и оказалась у её будущего первого издателя, – уже упомянутого Фельтринелли.

Именно в Италии случилось фактическое «рождение» Пастернака как крупного прозаика. «В стране, которая под любым знаменем остается конформистской... людям нравится читать о том, как протестуют и сражаются другие», – подчеркивал итальянский поэт Джованни Джудичи [«Доктор Живаго»: 212]. На момент начала работы над «Доктором Живаго» Пьетро Цветеремич уже неоднократно имел дело с творчеством ряда русских писателей, а переводческая «гонка», развернувшаяся вокруг романа В. Некрасова «В родном городе», ознаменовала нарастающий интерес у зарубежных издательств к советским произведениям [Гардзонио: 10].

Издательство Фельтринелли выражало заинтересованность в издании романа, аргументируя свою мысль

следующим: «... тот факт, что этот голос принадлежит человеку, не связанному с активной политической деятельностью, в глазах западного читателя делает его слова более искренними и достойными доверия» [Борис Пастернак и власть: 79]. Иначе говоря, при качественном переводе на Западе «Доктор Живаго» мог рассчитывать на успех. 18 июня 1957 г. Цветеремич завершает перевод, 25 июня получает письмо от Б. Пастернака, где тот заявляет: роман должен быть «издан и прочитан» [Пастернак: 233–234] как можно скорее.

Стоит отметить, что практически сразу же после издания романа на него обратили внимание журналы диаметрально противоположных политических взглядов: как левого, так и правого толка. Ярким представителем левого фланга было независимое ежемесячное издание «Иль Понте», которое провело опрос по поводу романа среди видных литературных деятелей. Редакция обозначила несколько тем для дискуссий, которые помогли бы понять, в чём заключается художественная ценность «Доктора Живаго» и насколько основательны запросы на получение его автором Нобелевской премии. Последнее было тем более актуальным, что анкетирование «по делу Пастернака» проводилось между номинацией его кандидатуры в 1957-м и присуждением премии осенью 1958-го.

Стоит отметить, что первоначально многие представители левонастроенной интеллигенции в Италии восприняли «детище» Пастернака с известного рода настороженностью. Так, уже первый участник дискуссии в «Иль Понте» Карло Кассола ссылается на мнение Густава Херлига, высказанное в журнале «Иль Мондо» в январе 1958 г., о том, что роман «не во всем удачен», «перегружен персонажами» и отличается «хаотичной композицией», а сугубо лирическая природа пастернаковского таланта лишает «Живаго» «эпического духа» [«Доктор Живаго»: 157].

«Иль Понте» старается избегать формулировок, заставляющих рассматривать произведение исключительно с политической точки зрения, поэтому предлагает такие вопросы, которые органично сочетают идеологию (проблема соотношения романа с социалистической действительностью) и литературную эстетику (является ли роман декадентским, насколько он вписывается в парадигму советской литературы, что перенимает от русской эпической традиции XIX века). Хотя на первый взгляд именно политические аспекты темы привлекали к себе повышенное внимание участников дискуссии, наиболее глубокие и значимые наблюдения итальянской критики относятся все же к особенностям сугубо художественного мира романа, к его поэтике.

Специфика ответов на перечисленные вопросы в целом зависела от того, каких взглядов придерживается адресат: левых или же правых. В послевоенной Италии и левые, и умеренно правые (като-

лики, христианские демократы) возлагали большие надежды именно на деятелей культуры как на силу, способную минимизировать последствия «фашистской чумы», поднять – посредством «гуманизации» – общий культурный уровень страны. В этой части их намерения были близки друг другу. Возможно, поэтому в статьях многих критиков о «Докторе Живаго» представители полярных политических лагерей не рассматривали его однозначно «справа» или же однозначно «слева». Их восприятие было неоднозначным. Итало Кальвино писал: «Мое отношение к «Доктору Живаго» совмещает в себе и восхищение, и несогласие» [«Доктор Живаго»: 176]. Такого рода амбивалентность оценок была производной, возможно, от масштабности и внутренней сложности самого романа, достойного Нобелевской премии.

Дискуссия в журнале «Иль Понте» вылилась в череду эссе, весьма показательных для характеристики рецепции романа в контексте Нобелевской премии, а также восприятия его места в большой истории литературы.

Вернемся к фигуре Карло Кассола. Он ответ на вопрос о том, можно ли считать «Доктора Живаго» «романом века», связывает с эволюцией собственного восприятия произведения. Первоначально ему казалось, что это всего лишь «сборник отрывков, обманувших ожидания» [«Доктор Живаго»: 156]. Однако, полностью ознакомившись с романом, он кардинально изменил своё мнение. Эссе Кассола ценно тем, что даёт подробное объяснение, почему «самый прекрасный роман столетия» может казаться с точки зрения «предписаний жанра» не совсем удачным. То, что считалось слабостью Пастернака-эпика (композиционные неточности, немотивированные, обусловленные лишь прихотью автора пересечения персонажей, алогичность сюжета и т. п.), критик считает его достоинством, доказывая, что эти элементы поэтики у автора «Живаго» имеют совершенно иную функцию, чем в традиционном романе: они обусловлены сугубо лирической природой художественного мира данного сочинения. Тем самым критически переосмысливается и, по сути, опровергается расхожее суждение о том, что Пастернак, будучи по своей природе исключительно лириком, по-настоящему художественно может описать только природу, а вся поэтика его сюжетной прозы выглядит блёкло и неестественно. Известно мнение А.А. Ахматовой о романе: «Люди неживые, выдуманные. Одна природа живая» [Чуковская]. Оспаривая подобную точку зрения, Кассола подчеркивает: «природная поэтичность» «Доктора Живаго» даёт ему преимущество над романом, «хорошо сделанным по привычным канонам», и нарочито интеллектуальной литературой. Для него категорически неприемлемы оценки, основанные исключительно на соответствии произве-

дения «качественной» технике романного повествования, а не на сути его художественного послания.

Кассола категорически отвергает дух декаданса. Из-за него оказываются «утрачены простые гуманистические основания поэзии». А проблема современной литературы в том, что она потеряла способность к искреннему выражению чувств и эмоций. Рецензент называет роман антидекадентским, точнее, находящимся «за пределами пропасти декаданса», выделяет критерий «современности» произведения, который зависит главным образом от правдоподобности описания и «поэтизации содержания», называет «Доктора Живаго» «единственной по-настоящему современной книгой». Он сочувственно ссылается на слова писателя Гвидо Пьевене о том, что появление «Доктора Живаго» можно считать «признаком кризиса всех прежних, фальшивых способов слышать, представлять и понимать» [«Доктор Живаго». Антология статей: 159–161].

Существенно, что для Кассола роман Пастернака – это отнюдь не плод «внутренней эмиграции» автора, а часть советской литературы. Он подчеркивает, что та, в свою очередь, хотя и остается малоизвестной европейскому читателю, благодаря таким сильным романам, как «Доктор Живаго», может стать серьезным противовесом полной цинизма и снобизма литературе западного общества. По мнению рецензента, «Доктор Живаго» не имеет ничего общего с сочинениями великих европейских модернистов – Сартра, Камю, Манна, – потому что их произведения запечатлевают современный мир в моменте его эмоционального отчаяния и краха. А герои Пастернака душевно чутки, искренни и открыты вовне; становится понятно, что общий «посыл книги – надежда» [«Доктор Живаго»: 160].

Своим подчеркнутым лиризмом «Доктор Живаго» подтачивает модель, заложенную русской романной традицией XIX века. Однако сочинению Пастернака свойственна подмеченная Кассолой «природная поэтичность», которая делает его истинным продолжателем традиции Чехова и Толстого. Одновременно роль природы в «Живаго» перестаёт быть второстепенной для его смыслового наполнения: «Можно было бы сказать, что природа, наравне с историей, один из главных героев романа Пастернака» [«Доктор Живаго»: 158]. Итало Кальвино, в свою очередь, в собственной рецензии на «Доктора Живаго» скажет об этом так: «когда речь идет об отношениях между индивидуумом и другим», у Пастернака «другой» – это «и не народ, и не ближний, а история в сочетании с природой» [«Доктор Живаго». Антология статей: 177].

Заключение Кассола во многом симптоматично для левого итальянского интеллектуала-гуманиста, сочувствующего социализму, но далеко не склонного,

в отличие от ортодоксальных коммунистов, во всем поддерживать догму советской идеологии и политические жесты Москвы. Для него роман Пастернака – в каком-то смысле живой сейсмограф духовного состояния общества, в котором он был создан. И уже потому он не может быть однозначно антисоветским. По логике критика, подобные обвинения со стороны советского официоза не просто несправедливы – они рикошетом бьют по нему самому. Был отвергнут роман, который мог бы «явить собой серьезную политическую мощь» в пользу советской культуры. Но партийные бонзы, устроившие гонения на Пастернака в СССР, «сослужили плохую службу не только репутации своей страны, но и самому советскому режиму» [«Доктор Живаго»: 162].

Второй рецензент и участник дискуссии, Паоло Милано, прежде всего называет слабым и неспособным передать ярко выраженную «тональность оригинала» итальянский перевод, выполненный Пьетро Цветеремичем. Милано вообще отвергает обличенные оценки, которыми во многом была предопределена постановка вопросов в дискуссии, и демонстрирует способность, откинув схемы, обратиться к глубинной природе пастернаковского текста как художественного феномена.

Для него наивен сам вопрос, можно ли назвать «Живаго» «романом века», поскольку ничего, кроме риторики, за этим не стоит. Задача вдумчивой критики не в том, чтобы дать оценку, хорош или плох роман, – ее задача, насколько возможно, его понять.

Милано предлагает свой инструментальный понимание: обращение к контексту всего творчества Пастернака и к внутренней структуре его романа.

Он проводит краткий экскурс по творчеству писателя: от ранних стихов до романа о Живаго, к которому нет смысла задавать вопросы, требующие четкого однозначного ответа, поскольку воплощенное в этой книге «искусство шире поставленных вопросов» [«Доктор Живаго»: 168].

Милано предлагает принципиально важный интерпретационный ход, который, по сути, снимает обвинения со стороны ходовой критики в том, что эпическая техника и романная наррация в «Живаго» очень несовершенны. Он показывает, что подобные утверждения лишены смысла, поскольку текст здесь имеет синтетическую структуру, его эпическая поэтика неразрывно связана со стихами Юрия Живаго, кодирующими, предопределяющими (в том числе ретроспективно) и комментирующими собственно повествовательную ткань. Отсюда, к примеру, и такой «недостаток» романа, как вроде бы немотивированные повторы, эпизоды, «рассказанные дважды». Метафоры в стихах отсылают читателя к прозаическим сценам. При этом критик настаивает также на важности «интерпретации поэтических произве-

дений, введенных в роман, в сравнении с отдельными стихотворениями, не связанными с сюжетом романа» [«Доктор Живаго»: 169].

Такой контекстуальный подход не мог оставить в стороне и собственно биографические аспекты, связанные с романом. Потому для Милано особенно важно подчеркнуть, что к «Доктору Живаго» Пастернак приходит через глубокий личный кризис.

Впрочем, вдумчивость и ответственность за критическое высказывание заставляют диспутанта воздержаться от однозначных суждений и осторожно заключить: роман ещё не прошёл проверку временем.

Известный писатель, критик и сценарист Гульельмо Петрони, в свою очередь, разделяет мнение Карло Кассолы: «Живаго» – «произведение высочайшего художественного уровня». И он также озабочен тем, что подходы к роману зачастую оказываются просто неадекватными, применяя архаичную методичку к оценке сочинения модернистской природы: «Современная критика с помощью традиционного инструментария и настроя пытается оценить художественную новизну нашей эпохи» [«Доктор Живаго»: 170].

Петрони считает роман безусловно достойным Нобелевской премии, поскольку это книга «отчаянной смелости, демонстрирующая нам своё отчаяние» [«Доктор Живаго»: 172]. Как полагается левому интеллектуалу, Петрони вводит критерий истинной «прогрессивности», который зависит от способности того или иного произведения продемонстрировать глубокий анализ современного общества и человека. «Доктор Живаго» целиком соответствует этому критерию. И уже потому не может быть назван «декадентским» романом, разве что под «декадансом» понимать «усовершенствование и осознание необходимости упорядочивания существующих ценностей» [«Доктор Живаго»: 172].

Следующий участник дискуссии – Манлио Канконьи – сразу отказывается от формата эссе, желая четко и понятно ответить на поставленные вопросы журнала.

Художественная ценность романа настолько велика, что не нужно пытаться вписать его в рамки определённой эпохи, как это делает большинство критиков. Интересно, что Канконьи не увидел в романе «осуждения режима, горестных скитаний социального класса, разрушения западной культуры, смытой революцией» [«Доктор Живаго»: 173]. То есть «прекрасный рассказ о любви» ему удалось оценить практически полностью вне политического контекста.

Роман достоин Нобелевской премии, не вписываясь в устоявшиеся каноны и открывая путь к глубокому пониманию истории, чуждому дешевой тактике поверхностных политических смыслов.

Критик подчеркивает сугубо гуманистическую природу Пастернака – и именно в ней, во многом пе-

рекликаясь с Кассолой, видит отличие русского писателя от великих модернистов Запада. Канконьи настаивает: если герои Томаса Манна – это «абстракции и символы», а художественное «я» у протагонистов Пруста и Андре Жида – «сосуд (а иногда и ночной горшок)», то Юрий Живаго в полном смысле слова – «человек» [«Доктор Живаго». Антология статей: 174]. На протяжении всего повествования читателя не покидает ощущение «реальности» природы и времени в романе.

Касаясь вопроса о связи реализма и историзма, Канконьи останавливается на укорененности Пастернака в традиции русской прозы XIX в., но отмечает при этом принципиальные его отличия от, скажем, эпика Льва Толстого, обусловленные особой лирической стихией романа.

В «Живаго» герои прописаны не так чётко, как у Толстого, но Пастернак развивает толстовское видение проблемы соотношения личности и истории. Есть «настоящая история» – стихия, овладевающая людьми, не задумывающимися об этом. История не принадлежит отдельным личностям – она принадлежит народу.

Юрий погружён в гущу политических и исторических событий, но, как и большинство людей, ничего не понимает. Однако «принадлежать истории» – это необязательно «понимать», равно как и необязательно «находиться на службе у власти» [«Доктор Живаго»: 175]. Живаго отражает мироощущение большинства представителей интеллигенции того времени: вынужденная бездейственная рефлексия. Потому он и предстаёт человеком, начисто лишённым воли. И в этом критик видит особую верность реальности. Сам Пастернак ощущал в себе неспособность противостоять режиму, отсюда – пассивное отношение к истории и политике, однако «даже такая действующая напролом тирания, как сталинская, не может задушить жизнь» [«Доктор Живаго»: 176]. А потому именно политическое давление парадоксальным образом помогло Пастернаку впоследствии воспарить над «толпой» из Союза писателей.

Наконец, Итало Кальвино среди прочего также подхватывает пунктиром проходящую сквозь всю дискуссию нить сопоставления Пастернака с западными собратьями по цеху. Но, в отличие от Кассолы и Канконьи, соотносит своего героя не с «классическим» модернизмом первой половины века, а с тем, что оказывалось остроактуальным именно в 1950-е. Для него Пастернак продолжает заложенную Камю линию так называемого «l'étranger» («постороннего») и частично разделяет близкую французскому экзистенциализму идею о «насилии как характеристике нашего времени». Но Кальвино настаивает при этом на национальном своеобразии Пастернака, отличающем его творчество от художественных ми-

ров западных писателей: в «Докторе Живаго» явно прослеживается свойственное русскому сознанию представление о жизненном испытании, инициации (в романе это революция) как о пути, который в конечном счёте приводит к глубокой религиозности главного героя.

Сказанное классиком итальянской литературы во многом смыкает смысловой круг дискуссий о Пастернаке в стране первой публикации его романа. Синтез универсального и национального в конце концов оказывается одним из лейтмотивов критического осмысления этого художественного феномена. Именно данный тезис, в конце концов, отзовется в итоговой формулировке Нобелевского комитета, который в 1958-м присудит Пастернаку премию «за его выдающиеся достижения... в области великого русского повествовательного искусства» [Марченко: 501].

Список литературы

«А за мною шум погони...»: Борис Пастернак и власть. Документы 1956–1972. М.: РОССПЭН, 2001. 431 с.

«Доктор Живаго»: Пастернак, 1958, Италия: антология статей / сост. С. Гардзонио, А. Реччия; под общ. ред. М.А. Ариас-Вихиль. М.: Река времен, 2012. 420 с.

Гардзонио С. Пьетро Цветеремич – читатель и переводчик романа «Доктор Живаго» // «Доктор Живаго»: Пастернак, 1958, Италия: антология статей / сост. С. Гардзонио, А. Реччия; под общ. ред. М.А. Ариас-Вихиль. М.: Река времен, 2012. С. 9–17.

Марченко Т.В. Русские писатели в зеркале Нобелевской премии. М.: Азбуковник, 2017. 671 с.

Пастернак Б. Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. Москва: Слово, 2005. Т. 10. 678 с.

Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. Москва: Время, 2007. Т. 2: 1952–1962. 829 с.

References

«A za mnoyu shum pogoni...»: Boris Pasternak i vlast'. Dokumenty` 1956–1972 [“And behind me the noise of the chase ...”: Boris Pasternak and the authorities. Documents 1956–1972]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, 431 p. (In Russ.)

«Doktor Zhivago»: Pasternak, 1958, Italiya: antologiya statej [“Doctor Zhivago”: Pasternak, 1958, Italy: anthology of articles], compiled by S. Gardzonio, A. Reccia; ed. by M.A. Arias-Vikhil. Moscow, Reka vremen Publ., 2012, 420 p. (In Russ.)

Gardzonio S. P`etro Czveterecich – chitatel` i perevodchik romana «Doktor Zhivago» [Pietro Zveterecich - reader and translator of the novel “Doctor Zhivago”]. «Doktor Zhivago»: Pasternak, 1958, Italiya: antologiya statej [“Doctor Zhivago”: Pasternak, 1958, Italy: anthology of articles], compiled by S. Gardzonio, A. Reccia, ed.

by M.A. Arias-Vikhil. Moscow, Reka vremeni Publ., 2012, pp. 9–17. (In Russ.)

Marchenko T.V. *Russkie pisateli v zerkale Nobelevskoj premii* [Russian writers in the mirror of the Nobel Prize]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2017, 671 p. (In Russ.)

Pasternak B. *Polnoe sobranie sochinenij s prilozheniyami* [Complete Works with Appendices]: in 11 volumes. Moscow, Slovo Publ., 2005, vol. 10, 678 p. (In Russ.)

Chukovskaya L.K. *Zapiski ob Anne Akhmatovoj: v 3 t. T. 2: 1952–1962* [Notes about Anna Akhmatova: in 3 vo-

lumes]. Moscow, Vremya Publ., 2007, vol. 2: 1952–1962, 829 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.05.2021; одобрена после рецензирования 22.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 18.05.2021; approved after reviewing 22.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.